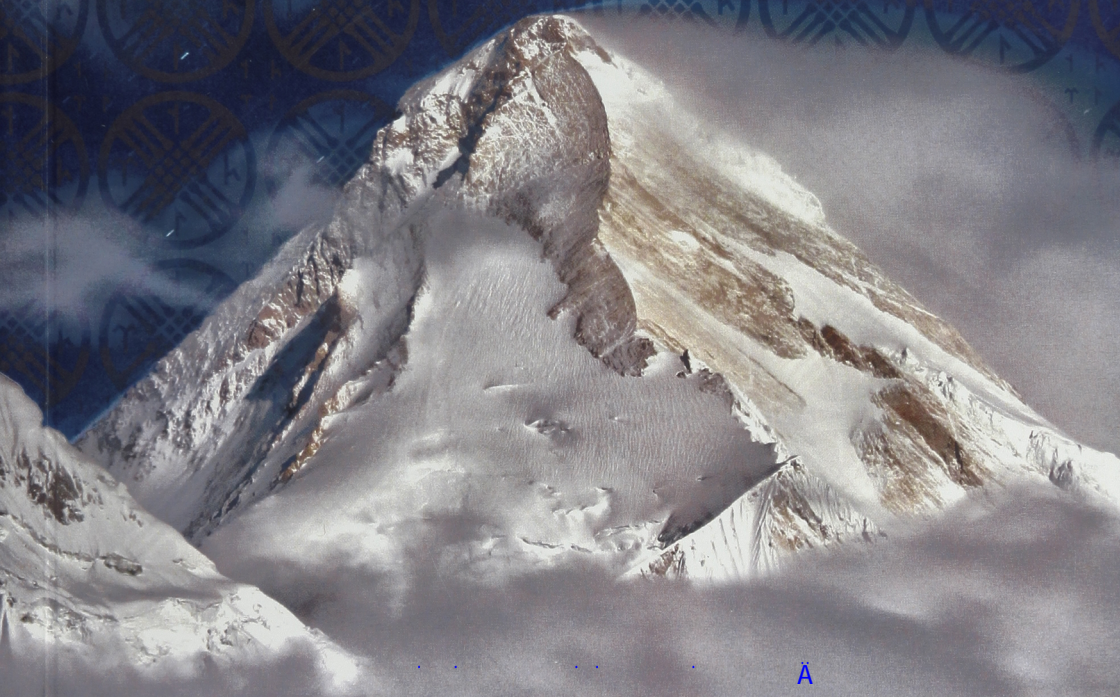

Н. В. Абаев

АРХАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕЛИГИИ
И ТЭНГРИАНСТВО
В ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ
НАРОДОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. В. Абаев

**АРХАИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕЛИГИИ
И ТЭНГРИАНСТВО
В ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ
НАРОДОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ**

Ответственный редактор
Н. И. Атанов
д-р экономических наук, профессор

УДК 21:008(=512,31)
ББК 86.31:71.0(=64)
А 13

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Рецензенты

В. Н. Тугужекова, д-р ист. наук, проф. Хакасского государственного университета, директор ХакНИИЯЛИ

Ю. И. Скуратов, д-р юр. наук, проф., директор Центра по исследованию государственных и правовых систем стран АТР Бурятского государственного университета

Т. И. Гармаева, канд. филос. наук, зав. лабораторией культурной антропологии и межкультурной коммуникации Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета

Абаев Н. В.

А 13 **Арханческие формы религии и тэнгрианство в этнокультурогенезе народов Внутренней Азии** / отв. ред. Н. И. Атанов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – 248 с.
ISBN 978-5-9793-0762-6

В книге рассматриваются процессы влияния архаических форм религии и тэнгрианства на этнокультурогенез тюрко-монгольских народов Внутренней и Центральной Азии, их этноконфессиональные традиции, верования и культы, бытовую обрядность, а также формы социальной организации и самоорганизации.

Предназначена для студентов и преподавателей, читающих курсы по религиоведению, культурологии, краеведению и др., а также тех, кто интересуется историей культуры и религии.

Abaev N. V.

The Archaic forms of the religion and Tengrianity in the Ethno-cultural-genesis of the peoples of the Inner Asia / sci. ed. N. I. Atanov. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2015. — 248 p.
ISBN 978-5-9793-0762-6

In the book the processes of influence of archaic forms of religion and Tengrianity on the Ethno-cultural-genesis of Turkic-Mongolian peoples of the Inner and Central Asia, on their Ethno-confessional traditions, beliefs and cults, household ceremonialism and also forms of the social organization and self-organizing are considered.

The monography is addressed to students and the teachers of courses of history religion, political sciences and geopolitics, philosophy of culture, anthropological studies, etc., and to all readers who are interested in a cultural history and religion.

УДК 21:008(=512,31)
ББК 86.31:71.0(=64)

ISBN 978-5-9793-0762-6

© Бурятский госуниверситет, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа представляет собой комплексное историко-философское, культурологическое, этноисторическое, социально-психологическое исследование в русле сравнительно нового направления в социально-гуманитарном блоке научных дисциплин — креативной прикладной культурологии и этнопсихологии культуры. Основоположником этого направления социально-гуманитарных наук мы считаем выдающегося бурятского эпосоведа и филолога Сергея Шагжиевича Чагдурова [см., напр., 8].

Особенно важное значение для развития концепции креативной культурологии и творческой этнопсихологии имеют его фундаментальные исследования героического эпоса народов Центральной Азии, в частности и в особенности — Гэсэриады, которые подтолкнули нас к идее создания проекта этнокультурного кластера «Бурятия — земля Гэсэра» (наподобие якутской инновационной программы «Земля Олонхо»). Принципиально важной философско-методологической установкой является идея С. Ш. Чагдурова о тесной, неразрывной связи героического эпоса тюрко-монгольских народов Внутренней Азии с тэнгрианской духовно-культурной традицией, которая, в свою очередь, заложила фундаментальные основы этнокультурной и цивилизационно-культурной традиций всей «кочевнической» (номадической) цивилизации [подробнее см.: сайт Международного фонда по изучению Тэнгри; сайт татарского народа «Татаркам»].

Другая идея С. Ш. Чагдурова, имеющая необычайную эвристическую ценность для наших исследований, — идея об общей прародине всех монголов «Эргунэ-Хун», которую мы соединили с мифологемой прародины тюрков «Эргенекон», являющейся, на наш взгляд, «колыбелью» всей евразийской мегацивилизации. Интересно, что этногеографически почти совпадает ареал, в котором покойный профессор С. Ш. Чагдуров располагал свой Эргунэ-Хун, — за-

падная часть горной Бурятии, прилегающая к Восточной Туве, и местоположение нашего Эргенекон-Тоджа, северо-западная часть этнографической Бурятии и южная часть Якутии (т. е. ангаро-ленский ареал).

При этом мы учитываем и то, что не могло быть в достаточно полной мере обосновано в работах С. Ш. Чагдурова, — тэнгрианско-буддийский синтез позднего средневековья, в котором «шаманские» элементы не играли решающей роли, т. е. то, что позднейшая номадическая цивилизация Внутренней Азии представляла собой буддийско-тэнгрианскую цивилизацию, а тунгусо-маньчжурское шаманство здесь вообще было ни при чем (религия бурят-монгольских «боо», как и тюркских «камов», есть лишь национально-региональные варианты общевразийского и мирового тэнгрианства).

Впрочем, С. Ш. Чагдуров не ставил перед собой задачи разделить в стадиально-типологическом и этнокультурном отношении столь разные религиозные традиции; самое главное — он показал глубокое единство различных локально-региональных вариантов тэнгрианской религии тюрков и монголов, а также их духовное, этнокультурное, этноконфессиональное родство, которое первобытное шаманство как раз и раздробляло на фрагменты родоплеменных культовых традиций. Именно героический эпос, а не архаические родоплеменные верования, в которых неизбежно проявлялась энтропийная сущность первобытного тунгусского шаманства, отражал извечные стремления и чаяния пастушеских и охотничьих народов к единству.

При этом бурятский ученый убедительно показал общевразийское значение бурятского героического эпоса, его многообразные связи с эпическим наследием других народов Евразии, а это имело очень важное методологическое значение для изучения роли архаических форм религии тюрко-монгольских народов и евразийского тэнгрианства как мировой религии в этнокультурогенезе, их цивилизационной геополитике и в становлении всей евразийской цивилизации как весьма специфического духовно-культурного феномена.

В связи с этим необходимо особо отметить, что современная Россия в исторической перспективе твердо ориентирована на путь реализации евразийского проекта. Однако на начальных этапах это-

го пути пока еще нет четко определенных культурно-цивилизационных критериев евразийства в мировоззренческом плане.

Следует также отметить, что планируемое создание Евразийского Союза соответствует, прежде всего, коренным экономическим, социально-политическим и геополитическим интересам самого многонационального, полиэтнического народа России, но в такой же степени отражает чаяния братских народов центральной части Евразии — стран бывшего СНГ. Цивилизационная и духовно-культурная евразийская общность формировалась веками, и ее фундаментальной основой изначально была так называемая «кочевая» (номадическая), по самой своей сути тэнгрианская пастушеская цивилизация тюрко-монголов и скифо-ариев Внутренней Азии, сформировавшаяся в пространстве от Урала до Байкала при переходе лесных охотников, рыболовов, собирателей (а затем и ранних земледельцев) и распространившаяся сначала по всей Центральной Азии, а затем и всей Евразии.

Идеология «тэнгризма» оказала определяющее влияние не только на национальную и государственную религию древних тюрко-монголов, но и на их политическую культуру, в том числе и на идеологию зарождающейся номадической государственности, которая изначально строилась на основополагающих принципах тэнгрианства как открытого мировоззрения и народной религии [Абаев, Аюпов, 2009]. До формирования в Центральной Азии сложных этнополитических структур (государственных, конфедеративных образований) какой-либо необходимости в существовании и функционировании политических доктрин, связанных с религией, не было. В наиболее древних пластах религиозных верований тюрко-монголов они не обнаруживаются.

Ситуация кардинально меняется в связи с возникновением кочевнических цивилизационных структур в Центральной Азии. Традиционное общество кочевников с самого начала имело весь набор цивилизационных признаков (признаков критериального характера) [Абаев, 2012]. К ним относились формы государственности; тяготеющая к высокоразвитому монотеизму религия — тэнгрианство; дипломатическая традиция с идеологическими компонентами в своем содержании; рунические письменные системы; монументальная архитектура и скульптура; частная собственность на скот как главное богатство в обществе кочевников-скотоводов; система вла-

стеотношений (отношения господства и подчинения как один из характерных признаков цивилизации); постепенно самоусложняющаяся стратификация общества; многоукладное натуральное хозяйство, включавшее в себя использование монет во внешнеторговых отношениях; города земледельческих стран, интегрированных в результаты завоеваний в кочевнические общества, и др.

Одним из фундаментальных условий становления и развития древних цивилизаций являлось, как известно, формирование монотеистических религий или же тяготеющих к монотеизму религиозно-мифологических систем. В общетеоретическом плане их роль представляется как существенно значимая в самоорганизации общества, приобретающего новые, гораздо более сложные количественные и качественные характеристики. Это общество императивно требовало создания и функционирования не только материальных, но и достаточно эффективных духовных механизмов интеграции, стабилизации, обеспечения условий социально-экономического и культурного развития.

Примерно такие же процессы закономерно развивались и в Центральной Азии, когда интенсивно формировались «кочевые» цивилизации тюркоязычных и монголоязычных народов. Здесь исключительно важную роль в становлении цивилизационных форм социального бытия сыграло тэнгрианство, которое не только выполняло функцию сохранения в устойчивом состоянии этнокультурных традиций тюрко-монгольских народов, но и выполняло важные идеологические функции поддержки официального статуса правителей имперских государственных образований, их социально-интегрирующей и геополитической роли.

Появление в Центральной Азии имперских государственных образований с соответствующими институтами высшей власти и формирование тэнгрианства, тяготеющего к монотеизму, мы рассматриваем как кооперативный, синергетического типа процесс, вызванный к жизни не столько ролью внешних факторов, сколько обусловленный существенными изменениями в культурно-историческом бытии традиционных обществ.

Важнейшим критерием цивилизации вообще, в том числе и «кочевнической», является наличие качественно определенной специфической духовности, выходящей за пределы своей первобытности (а затем и этничности), приобретаая в процессе развития инсти-

туционально оформленный интерэтнический, надплеменной или наднациональный характер, присущий тэнгрианству, которое еще в глубокой древности, в период возникновения древней арийско-туранской «кочевой» цивилизации в начале III тыс. до н. э., получило распространение по всей Евразии.

Тэнгрианство как системообразующий элемент не только религиозной, но и политической формы общественного сознания (их мы определили в качестве духовно-культурных социальных механизмов самоорганизации) стало тем фактором интеграции этносов в геополитическое государственное образование имперского типа, который реально обеспечил духовное единение, следовательно, и образование таких могущественных государств, как империя Хунну, империя Сяньби, Тоба-Вэй, тюркские каганаты, Великая Монгольская империя и т. д.